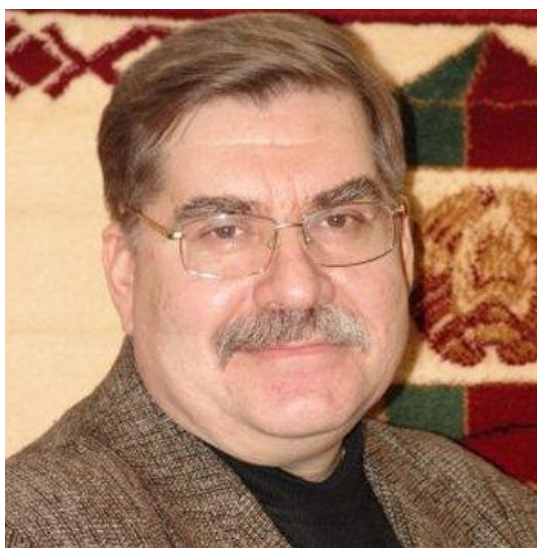

«В выборе слова осторожными должны быть не только журналисты, но и премьер-министры»

Председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов Михаил Горбаневский — о давлении на СМИ, «блогерах-экстремистах» и лексиконе политиков

15 февраля празднует свой юбилей Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), которая уже 10 лет проводит независимые лингвистические экспертизы спорных текстов, а также занимается просветительской и издательской деятельностью. Исследования гильдии стали особенно актуальными в связи с участием в делах о разжигании межнациональной и религиозной розни, а также исками к СМИ о клевете и защите чести и достоинства. Не секрет, что подобные дела в последнее время стали все чаще использоваться властями для давления на независимых журналистов, общественных деятелей и блогеров. Об этих проблемах и о том, как с ними приходится бороться лингвистам-экспертам, мы поговорили с председателем правления ГЛЭДИС, доктором филологических наук, академиком РАН Михаилом Горбаневским.

— В 2001 году параллельно с вузовской лингвистикой я занимался издательской деятельностью в Фонде защиты гласности и порой консультировал коллег из Союза журналистов по вопросам лингвистических экспертиз. И уже тогда стало понятно, что создание независимой от чиновников и силовых структур организации, которая профессионально занималась бы лингвистическими экспертизами, — важное и востребованное направление. Во многом созданию гильдии помог Фонд защиты гласности (за что я очень признателен Алексею Симонову), и хотя мы никогда не являлись дочерней структурой фонда, но все эти годы фонд оставался одним из наших главных партнеров.

Петр САРЖАНОВ — «Новая»

Одним из первых громких дел, которое к нам попало, стало дело ставропольского журналиста Василия Красули. В связи с использованием в отношении губернатора Черногорова в газетном материале слова «недееспособный» против Красули было возбуждено уголовное дело по статье «Клевета», и журналиста арестовали и посадили в тюрьму. Союз журналистов обратился к нам с просьбой как можно быстрее провести профессиональную экспертизу этой фразы. Лингвисты ГЛЭДИС доказали, что речь шла об

обыкновенной колкой метафоре. То есть «недееспособный» в том контексте означало «импотентный, несостоятельный в профессиональном отношении», что в газетной критике вполне допустимо: в конце концов, журналист не назвал губернатора импотентом. Наша экспертиза не повлияла на решение суда первой инстанции и Верховного суда, поэтому Красуля обратился в Европейский суд по правам человека, который в том числе установил, что экспертиза, проведенная ГЛЭДИС, не только не выявила в статье признаков клеветы и оскорблений, но и доказала уместность использования слова «недееспособный» в данном контексте. Красуля стал первым журналистом, выигравшим в Страсбурге дело против России, и в том числе благодаря нашей экспертизе.

— С какими текстами чаще всего приходится работать гильдии?

— По нашей статистике, в 2010 году примерно 45% от общего числа спорных текстов печатных, эфирных и электронных СМИ, которые поступили в ГЛЭДИС для анализа, касались дел о защите чести и достоинства. Около 20% спорных текстов — это судебные дела о защите деловой репутации. В таких делах, кстати, в последнее время все чаще приходится сталкиваться с недобросовестными участниками рынка, которые предпочитают «сесть на хвост» известному бренду, чтобы не тратиться на рекламу. Одно из первых таких дел было рассмотрено нами в 2005 году по запросу корпорации Intel, именем которой спекулировали многие российские фирмы, не имевшие к ней никакого отношения.

— После принятия Закона «О противодействии экстремистской деятельности» все чаще разные высказывания журналистов, общественных деятелей, блогеров расцениваются как экстремистские. На ваш взгляд, насколько этот закон стал инструментом в борьбе со свободой слова?

— Я не политик, а ученый, и оперирую данными науки и статистики. В прошлом году примерно четверть исследованных нами спорных текстов касалась как раз нарушений этого закона и статьи 282 Уголовного кодекса («Разжигание расовой, межнациональной, религиозной розни»). Отмечу, что по сравнению с 2009 годом рост в этой категории дел составил примерно 10%. Однако, на взгляд многих опытных экспертов, определение видов экстремизма, этого негативного и опасного явления, прописано в федеральном законе №114 слишком размыто. Поэтому у властей порой возникает возможность и соблазн трактовать многие действия своих критиков как «экстремистские». Я думаю, нашим законодателям на Охотном Ряду и их кураторам «за зубцами» давно пора уточнить ряд разделов Закона «О противодействии экстремистской деятельности» и, кстати, привести его в большее соответствие с международным правом. И вовсе не случайно на заседании Госсовета в Уфе по вопросам национальной политики из уст президента Медведева мы услышали вполне здравые слова об опасности «языка вражды»: проблема-то есть! Но пока действуют нынешние размытые дефиниции видов экстремизма, задача неангажированных властью профессиональных экспертов состоит в том, чтобы давать максимально взвешенную оценку спорным текстам. Это поможет охладить пыл властей наказывать тех неугодных журналистов, гражданская позиция которых нередко совершенно необоснованно и неправосудно приравнивается к социальному экстремизму.

— Подобные дела — прежде всего о разжигании национальной, религиозной ненависти — к тому же и крайне опасны, в том числе и для экспертов.

— Да, попытки давления на экспертов, в том числе в виде угроз физической расправой, стали появляться все чаще. И это тревожный симптом. Например, члена нашей гильдии профессора из Мордовии осужденные благодаря его экспертизе фашиствующие молодчики и их подельники публично угрожали сжечь заживо!

— Но бывает, некоторые эксперты делают сомнительные выводы, с тем чтобы повлиять на решение суда или на ход следствия...

— К сожалению, это так — достаточно вспомнить печально известное питерское дело. В феврале прошлого года группа подростков-неонацистов избивала двух школьников-дагестанцев с криками: «Замочи хача!», «Бей черного!» и «Россия для русских!». Было возбуждено уголовное дело, и следователь назначил лингвистическую экспертизу, чтобы определить, есть ли признаки разжигания национальной ненависти. Так вот «эксперт», к которой попало дело, написала примерно следующее: мол, фраза «Россия для русских!» в контексте стычки подростков может расцениваться как ироническое высказывание и не содержит вербальных признаков экстремизма и разжигания межнациональной розни. Информация об этом «выводе» попала в СМИ и всколыхнула все экспертное сообщество. Но, к счастью, благодаря усилиям общественных организаций городской суд Санкт-Петербурга вернул дело на новое рассмотрение в нижестоящую инстанцию, с новым составом суда, и уже есть постановление о проведении независимой лингвистической экспертизы комиссией из трех питерских ученых.

— А все-таки с чем чаще сталкивается гильдия: с попытками властей надавить на СМИ или с непрофессионализмом самих журналистов?

— Если анализировать наши экспертные работы за 2010 год, то придется с сожалением признать: примерно в 60% случаев претензии к журналистам были обоснованны. Причем это те случаи, в которых для нас, как экспертов, было совершенно ясно, что налицо унижение чести и достоинства людей, разжигание ненависти или оскорбление.

Но в 40% случаев судебные иски, заявления в прокуратуру или жалобы в следственные органы являлись попыткой властей (особенно это касается региональных элит) свести счеты с неугодными журналистами, которые еще остались на достаточно зачищенном медиапространстве.

Но я не устаю повторять, что русский язык — великий, могучий, правдивый и свободный. Можно писать хлестко, едко, колко и при этом не переходить незримую для общественности грань, за которой наступает

ответственность по закону. Нужно как можно шире использовать все стилистические, синтаксические, грамматические и иные возможности, которые заложены в нашем языке.

При этом свой призыв быть осторожными при выборе слова я адресую не только журналистам, но и представителям российской элиты. Не скрою, меня серьезно удручают некоторые «словесные перлы» нашего премьер-министра, который может позволить себе, например, весьма спорные высказывания о мерах воздействия к участникам митингов. Я процитирую слова премьера: «Нужно получить разрешение местных органов власти. Получили? Идите и демонстрируйте. Если нет — не имеете права. Вышли, не имея права,— получите по башке дубиной...» Я не касаюсь уже набившего оскомину юридического вопроса о разрешительном/уведомительном характере митингов и шествий. Так как же вылетел этот словесный «воробей» о противозаконном использовании спецсредств — «получи по башке дубиной» — из уст лидера нации и профессионального юриста? Кто-то свяжет это высказывание нашего премьера с его бурной «дворовой» молодостью, а кто-то иной услышит в этих фразах его раздражение по отношению к все множющимся оппонентам, которое Путин в последнее время перестал скрывать (занятно, что один мой знакомый политтехнолог, мечтающий о работе с «Единой Россией», вообще расценил эти путинские слова как «особый яркий риторический прием»). Однако, по моему мнению, «получи по башке дубиной» — это всего лишь элементарная лингвистическая неряшливость и безответственность должностного лица, занимающего высочайший государственный пост, вследствие чего некоторые неразборчивые омовцы и их начальники могут, увы, принять такие ёрнические словечки как фактическую индульгенцию на совершение противоправных деяний.

Беседовала
Виктория Сарафанова

13.02.2011

<http://www.novayagazeta.ru/data/2011/016/27.html>